

Невоструева Антонина Федоровна

Nevostrueva Antonina Fedorovna

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
и связей с общественностью
Пермского национального исследовательского
политехнического университета

PhD in Social Science,
Associate Professor,
Department of Foreign Languages
and Public Relations,
Perm National Research Polytechnic University

КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

CULTURE IN THE SYSTEM OF MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION SPACE

Аннотация:

Авторской позиции присуща научная новизна, которая выражается в социологическом подходе к осмыслению сущности культуры как особого структурного элемента системы информационно-коммуникационного пространства (ИКП). ИКП имеет культурную функцию, наполняющую социальным смыслом становление человека как личности, и является одним из основных источников усложнения и обогащения культуры в целом, принимая роль важного социального института. В рамках ИКП в работе приведена историческая эволюция культурных процессов, способствующих созданию объективных условий для становления цивилизационного прогресса. Особое внимание направлено на усложнение культурной функции современного ИКП с учетом формирования современного вида пространства – виртуального, что требует применения новых подходов и направлений в исследованиях социологов, а также специалистов-культурологов. Формируются принципиально новые культурные особенности развития и тренды в процессе становления электронной формы проявления культуры. Основное внимание устремлено в сторону своеобразной пятой культурной революции в человеческой истории, где главная роль отводится целому комплексу ИКП. Более детально выявляются значение и роль социальных сетей в процессе развития современной культуры, а также необходимость формирования в ней этических принципов взаимодействия. Дается обоснованное умозаключение о так называемом «сращивании» – взаимопроникновении двух различных уровней культурного развития: физически реального и виртуального, которое оказывает сильное воздействие на жизнь социума в целом.

Ключевые слова:

культура, информационно-коммуникационное пространство, виртуальное пространство, социальный институт, мифология, электронная культура, трансгуманизм, социальные сети, мемы.

Summary:

The scientific novelty of the author's view lies in the sociological approach to understanding the essence of culture as a special structural element in the system of information and communication space. The cultural function of the information and communication space not only gives a social meaning to the personal development but also becomes a major source of sophistication and enrichment of culture in general serving as one of the leading social institutions. The research presents the historical evolution of cultural processes that create the objective circumstances of the social and civilizational progress. The emphasis is placed on the complexity of the cultural function of the modern information and communication space within the creation of a virtual type of space. It requires different approaches and scope of studies applied by the social and cultural scientists. The new cultural aspects and trends of development are established while building e-culture. The research focuses on the fifth kind of cultural revolution in human history where the leading role belongs to the whole complex of information and communication space. The paper identifies the role and significance of social networks in the process of modern culture development as well as the need to build its ethical principles of interaction. The author substantiates the fact that two levels of cultural development (real and virtual ones) are spliced or integrated. It has a strong impact on the life of society as a whole.

Keywords:

culture, information and communication space, virtual space, social institution, mythology, e-culture, transhumanism, social networking, memes.

Введение

В настоящее время значение культуры, ее сущность, роль и воздействие на развитие человечества всесторонне исследуются практически всем комплексом гуманитарных наук. Вызывает интерес не только весомое количество определений понятия, но и не меньшее число концептуальных подходов, которые вносят существенные дополнения и уточнения. Все это указывает на фундаментальность, предельную широту и в то же время на многозначность и мозаичность понятия «культура». Данный феномен также рассматривается в рамках социологии, в специально созданном разделе «Социология культуры», что позволяет внести важный вклад в разработку теоретических оснований и практического воздействия культуры на развитие общества [1].

Следует отметить особенность российской культурологической традиции. Она основана на примате духовной сферы жизни человека. В известной статье П. Струве и С. Франка дается определение этому феномену: «*Культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие*» [2, с. 110]. П. Флоренский выводит понятие культуры из религиозного сознания: «...*большинство культур... было именно прорастанием зерна религии, горчичным деревом, разросшимся из семени веры*» [3, с. 549]. Несомненно, что здесь оказывала свое влияние не только православная теология, но также идеи германских культурологов и философов, начиная с И. Канта, И. Гердера, Г. Гегеля. В целом отечественные исследования и сегодня нацелены на выявление особенностей формирования и развития отечественной культуры, содержания менталитета российского человека [4]. В данной работе мы руководствуемся пониманием того, что культура в наиболее обобщенном, философском смысле является **способом существования человека**. Напомним яркую смысловую метафору американского социолога и антрополога Клиффорда Гирца: «*Без людей нет культуры, это несомненно, но в равной степени – что более примечательно – без культуры нет людей*» [5, с. 61].

Вместе с тем культура является в системе социума самостоятельным социальным институтом, имеющим внутреннюю структуру, правовую обеспеченность и организованные формы реализации собственных задач. Она органично входит в единое информационно-коммуникационное пространство (ИКП), выступающее неизменным атрибутом существования человеческого общества. Поэтому, говоря о «*культурном пространстве*», следует понимать, что речь идет о культуре как о **социальном институте**, имеющем все основные институциональные признаки. Тем самым мы определяем **место** культуры в единой системе ИКП.

Роль, выполняемая культурой в системе ИКП, определяется **функциями** этой системы, где одной из ведущих является **культурная**. Она не только представляет собой определенную квинтэссенцию, сосредоточение наиболее важных проявлений взаимодействия общества и личности, но и отражает влияние всей системы ИКП на социум.

Теоретико-методологическую основу данной работы характеризует **системный метод** познания в процессе оценивания внутренней логики и сущности ИКП, положения в нем культуры, выявления противоречий как источника бесконечного развития и совершенствования; **институциональный подход** к изучению социальных явлений, процессов, отношений и взаимодействий; **междисциплинарный метод**, позволяющий использовать достижения других отраслей научного знания. Важное место отводится **сравнительно-историческому (компаративному) методу**, что позволяет консолидировать процесс развития социума с точки зрения культурных перемен во времени, выявить общие закономерности, определить особенности взаимодействия ИКП и культуры на различных этапах истории социума. Работа реализована на стыке следующих научных парадигм: *структурно-функциональной теории социальных систем Т. Парсонса, коммуникативной теории Н. Лумана, теории социальных организаций А. Этциони, теории структурации Э. Гидденса* и др.

Историческая эволюция культуры в системе ИКП

В настоящее время, находясь в процессе обоснования главных положений теории информационного общества, ученые развивают идею об информационном базисе всей культуры, где она выступает «*в качестве особой информационной системы, для которой характерен принцип экзогенного накопления информации, т. е. информация в этой системе сохраняется, накапливается и преобразуется с помощью создаваемых людьми знаковых средств в основном во внешней для них среде*» [6, с. 302]. Признавая существенную справедливость данного подхода, следует подчеркнуть, что при этом из поля зрения уходит действенная сторона информации, проявляемая через коммуникацию, не только обеспечивающую взаимодействие людей, но и придающую ему активный характер, побуждающий к действию.

Как известно, социальная составляющая культуры проявляется **только** во взаимодействии с «*другим*» при помощи коммуникации и обмена информацией. Важнейшую роль здесь играет **человеческая речь**. Иного способа для человека, его развития не существует (несмотря на значимость других информационно-коммуникационных каналов: жестов, положения тела, тактильных ощущений и др.). Открытие германскими и американскими учеными в 2002 г. отдельного гена *FOXP2* в структуре ДНК человека, отвечающего за тонкое управление гортани и рта и отсутствующего у других человекообразных обезьян, доказывает эту исключительность [7].

ИКП формировало и сопровождало человечество с самого начала его выделения из животного царства. Оно обеспечивало такие важные стороны культуры, как адаптация, социализация, сохранение накопленного опыта и его передача по наследству последующим поколениям, создавало новые культурные формы пространственного характера: наскальную живопись, элементы декоративно-украшательства, обряды и ритуалы. Усложнение человеческого сознания, его восприятие действительности, окружающего мира, наполненные конкретикой бытия, трансформировались в первые элементарные мировоззренческие культурные формы: тотемизм, фетишизм и анимизм. Магия с ее

разнообразной и сложной системой действий выростала из обрядовой и ритуальной стороны племенного быта и представляла собой переходную стадию к абстрактному мышлению. Эти формы мировоззрения занимали особое место в жизни родо-племенной формы организации человеческого общества, наполняя ИКП конкретным содержанием повседневности, превращая навязанное жизнью пространство в собственную культурно освоенную и населенную смыслом среду обитания [8, с. 84–85]. Да и само проведение обрядов, ритуалов требовало пространственной организации, где сохранялись традиции, проходила социализация членов этого рода [9, с. 17–18].

На основе этих первичных форм мировоззрения зарождалась абстрагированность человеческого сознания и мышления, принявшая форму **мифологии**. По мысли немецкого философа и культуролога Э. Кассирера, миф лежит в основе главных форм духовной культуры. Он отмечает, что *«исходная точка становления любой науки, ее непосредственное начало, располагается не столько в сфере чувственности, сколько в сфере мифологического созерцания»* [10, с. 10]. А отечественный ученый В. Пропп определяет понятие «миф» как основу возникновения художественной формы сказки: *«Начало процесса перерождения мифа в сказку... в откреплении сюжета и акта рассказывания от ритуала»* [11, с. 313]. Мифологическая составляющая ИКП оказывала огромное влияние на культуру данного периода. Американский антрополог М. Мид обозначает этот тип культуры как *«постфигуративный»*, где основным каналом социализации выступала передача знаний от взрослых детям [12, с. 322–341].

Не менее важным в культуре первобытного общества являлся процесс инициации. Он представлял стройную и логичную систему обрядов, меняющую социальный статус человека (переход во взрослую стадию, посвящение в профессиональную среду, изменение семейного положения и др., приобщение его к культуре жизни племени). Глубинные корни этой культурной ипостаси ИКП сохранили свое значение в жизни человека до сегодняшнего дня (школьные праздники, студенческие посвящения, корпоративные мероприятия и др.). Но переход не являлся одномоментным событием, он мог достигать по времени нескольких лет, на протяжении которых человек находился в особом пограничном состоянии, названном французским ученым А. ван Геннепом *«промежуточной категорией обрядов перехода»* – **«лиминарной»** [13, с. 17]. Более основательно данное состояние человека исследовано американским антропологом В. Тернером, отмечавшим, что *«лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то ни се; они – в промежулке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом. Поэтому их двусмысленные и неопределенные свойства выражаются большим разнообразием символов в многочисленных обществах, ритуализирующих социальные и культурные переходы»* [14, с. 169]. Тем самым, как ни парадоксально это звучит, лиминарное состояние человека давало ему большую пространственную и культурную свободу.

Пространство мифологического сознания сопровождает всю жизнь современного человека. Как отмечает Ю. Лотман, *«мир детского сознания – по преимуществу мифологического – не исчезает и не должен исчезнуть в ментальной структуре взрослого человека, а продолжает функционировать как генератор ассоциаций и один из активных моделирующих механизмов»* [15, с. 37–38]. Опыты психологов и педагогов доказывают, что даже в условиях прагматичности и насыщенности компьютерными технологиями большинство детей дошкольного и младшего школьного возраста искренне верят в реальность существования волшебства и магии, т. е. допускают возможность нарушения законов природы, обоснованных при помощи научного подхода [16].

В современном ИКП продолжают функционировать множество мифов и мифологем, оказывающих ощутимое влияние на общественное сознание [17]. Одной из причин их жизненности и значимости являются не только новые технологические возможности манипуляций, но и особенности человеческого сознания. И если раньше, в условиях предшествующих общественных отношений, ИКП выступало в качестве транслятора приемов формирования рефлексии и мироощущений человека и сообщества в целом, то в современных условиях оно представлено в основном как системообразующая структура искусственного, рукотворного, узконаправленного, инструментального воздействия и в то же время как важная составляющая социального мифа [18, с. 3–4].

Начиная с мифологической стадии развития культуры, все ИКП наполняется символическим содержанием. Символ становится своеобразным **«свернутым»** выражением, заменой определенного ритуала, обряда, переведенного на уровень абстрактно-обобщенного смысла. Исследования данного феномена обращаются прежде всего к его семантическому образу, связывая символ с понятием **«знак»**, определяя его как элементарную единицу, имеющую непосредственное отношение к рецепторной (визуально-аудио-кинестической) системе человека [19]. Мы же считаем, что **знак** выступает только как **указатель** на что-либо или кого-либо; в нем содержится минимум информации. В противоположность этому **символ** выступает как своеобразный **«заархивированный» рассказ**, он переводит устные предания на язык идеографии. Поэтому первые письменные источники представляли собой пиктограмму, содержащую сложную информацию, впервые отрывая ее от устной речи, создавая новый канал ИКП и усиливая его культурную функцию.

Культура и современное ИКП

Анализ культурной функции современного ИКП позволяет выделить семь особенностей, своеобразных трендов его развития: **общедоступность, мобильность, интерактивность, динамизм преобразований, инновации в развитии, глобальный характер перемен и переход в виртуальное пространство для творчества и самовыражения**. Опираясь на технический и технологический прогресс, они оказывают существенное влияние на социальные процессы не только в рамках небольшого количества государств, но и в масштабах всего мирового сообщества. Современная социология обращается к этим проблемам, отражающим с одной стороны новизну культурной ситуации с учетом постмодерна и глобализации, а с другой стороны – вызовы новых культурных тенденций по отношению к обществу и природе [20, с. 3]. Не только культура оказывает влияние на общий процесс развития ИКП, но и ИКП воздействует на культуру, ее мировоззренческое содержание и институциональные структуры. Сегодня можно осознанно говорить о наступлении своеобразной **пятой культурной революции** в человеческой истории. Предшествующими этапами данного процесса являлись зарождение человеческой речи, возникновение письменности, книгопечатание, создание средств массовой информации и коммуникации: массовых газет и журналов, радио, кино, телевидения. Новое ИКП, дополненное и обогащенное виртуальным пространством интернета, не только интегрировало в себя все существующие формы, но и создало для них свободную, не имеющую границ аудиторию.

Однако не только крупные масштабы присущи этим переменам. На основе нового пространства также происходит становление иного типа культуры, получившего название **киберкультуры**, обладающего высокой степенью динамизма, демократичности, анонимности. Для него характерны появление гибридных видов искусств, перемещение традиционных институтов культуры на новое место их деятельности, требующей иных форм взаимодействия с человеком. ИКП усиливает свою культурную функцию с помощью своих новых технических возможностей, создавая не только *«новую художественную среду»*, но и новый *«способ отношения к ней – интерактивность»* [21, с. 13]. М. Кастельс характеризует данную ситуацию как *«культуру виртуальной реальности»*, соединяя в этом понятии виртуальность, *«...поскольку строится главным образом на виртуальных процессах коммуникации, управляемых электроникой»* и реальность, *«...потому что это наша фундаментальная действительность, физическая основа, с опорой на которую мы планируем свою жизнь, создаем свои системы представительства, участвуем в трудовом процессе»* [22, с. 227].

В современном научном континууме существует большое количество исследований, анализирующих сущностные черты феномена киберкультуры, где в качестве ведущего элемента выступают технические и технологические возможности его возникновения и развития, которые стали осуществимы после выхода человека в новое виртуальное пространство и активного его освоения [23]. Однако, на наш взгляд, понятия *«киберкультура»*, *«виртуальная культура»*, *«цифровая культура»* не в полной мере способны отражать перемены в динамичном и зачастую парадоксальном культурном пространстве современности. Более корректным является название *«электронная культура»* (в зарубежной литературе – *«Е-культура»*), получившее распространение в последнее время [24]. Это позволяет выйти за рамки неявного технократического крена в исследованиях и обратиться к сущностным сторонам развития культуры в киберпространстве: абсолютная свобода доступа к любой информации, либеральность, отсутствие жестких правил, креативный и игровой характер в сетевом творчестве и в содержании коммуникаций и др. Тем самым можно говорить о возможности более глубокого проникновения в содержание этой сферы человеческого бытия. Мы подходим к пониманию термина *«электронная культура»* как к **созданной и реально функционирующей новой форме существования и развития человека (культурологического типа)** в условиях современного постиндустриального общества. Электронная культура становится не только новым элементом культуры, но и новым социальным институтом в структуре современного ИКП, оказывающим ощутимое воздействие на скорость протекания социальных процессов в обществе и являющимся важным фактором динамизма и развития.

В то же время следует отметить очевидный факт, что сам феномен интернета не создает нового знания, а является только определенным техногенным посредником между субъектами взаимодействия, увеличивает вероятность и возможности многовариативной коммуникации [25, с. 23]. Выдвижение на первый план новых проявлений культуры, исследования их культурологами, философами, психологами, социологами – закономерный процесс, так как здесь появляются принципиально иные возможности для развития человека. В социальной практике сформировалось направление, получившее название **«трансгуманизм»**. Оно набирает своих сторонников и адептов по всему миру, а в 2003 г. появилось самостоятельное Российское трансгуманистическое движение. Деятельность данного движения связана с созданием условий для возможных и желательных перемен человеческого существования, с изучением таких фундаментальных проблем, как

продление жизни человека с помощью широкой трансплантации искусственных органов, а также с применением нанотехнологий, обеспечивающих здоровое существование и создание искусственного интеллекта, равного или превосходящего возможности человеческого мозга. Планируется достичь этой цели с помощью не только технологий, но и перемен в человеческой культуре. Таковы намерения трансгуманистов. В то же время трансгуманизм подвергается жесткой критике за явные черты утопичности и противоречия традиционным правам человека [26].

Современное ИКП в культурном обмене и коммуникации реализует возможность **интерактивности**, мгновенного реагирования, отклика, обратной связи. В данном случае, пожалуй, будет уместным применить метафорическое выражение Ж. Бодрийера – «**экстаз коммуникации**», переживаемый человеком, «**живущим**» в виртуальном пространстве, ощутившим вкус безграничной свободы выбора любых возможных форм самоопределения и самовыражения. А это требует создания и соблюдения правил поведения в информационном пространстве, выработки этических нормативов коммуникационного обмена.

В полной мере изложенная новизна воплотилась в **социальных сетях**. По своей популярности и распространению они не имели прецедентов в прошлом, равных им в настоящем. Социальные сети являются одной из наиболее популярных новых форм электронной культуры. Воздействие социальных сетей на современного человека находится сегодня в мейнстриме исследований многих гуманитарных дисциплин, отражающих не только аналитический и прогностический характер научных интересов. Социальные сети становятся важным ресурсом для экономистов, маркетологов, специалистов PR и рекламы с точки зрения развития новых направлений бизнеса по привлечению и вовлечению участников социальных сетей в сферу потребления в новом экономическом сегменте. Они заключают в себе мощный потенциал получения прибыли за счет создания принципиально иных способов влияния на человека, находящегося в новой реальности бытия. В то же время наличие социальных сетей, их активное «**обживание**» молодым поколением представляют собой один из видов социального взаимодействия в глобальном информационном пространстве, вносят новые элементы в структурирование ИКП.

Сетевая архитектура пространства интернета по своей сути являет собой грубый аналог нейронных связей человеческой психики, что характеризует особенности сетевого мышления. Специалисты выделяют его символический характер. Виртуальное мышление становится не только текстовым, но и гипертекстовым, характеризуется полифоничностью, связанной с множественностью интерпретаций информационных контентов и интерактивностью коммуникативного процесса, распределенностью сознания, позволяющей осуществлять несколько операций параллельно, своеобразной «**мозаичностью**» сознания, способствующей формированию собственных интернет-фобий [27]. В то же время исследования психологов и медиков указывают на опасность негативного влияния бесконтрольного использования современного виртуального ИКП [28]. Так, известный американский психиатр Г. Смолл выделяет основные проблемы цифровой революции, с которыми сталкивается сознание молодого поколения: сложности формирования абстрактного мышления, трудности определения эмоционального состояния, рассеянное внимание, кратковременность памяти, запоминающей не саму информацию, а место, где она находится. Глубокое погружение в цифровой мир создает ситуацию стресса, получившего название «**цифровой туман**» [29, с. 48–83].

Необходимо также учитывать, что при возникновении информационной «**перегрузки**», определенной зависимости от содержания разнообразной информации, «**повестка дня**» которой формируется под контролем организованных структур (государственных, частных), человек, особенно молодого возраста, становится практически беззащитным перед этой силой. Существует реальная опасность манипуляции его сознанием, внедрения определенных **мемов** и создания **фреймов**, заставляющих его совершать конкретные действия уже в реальном пространстве. Эту точку зрения еще в середине 1970-х гг. оригинальным образом высказал английский этолог Р. Докинз, определяя мем как свойство человеческой культуры, своеобразную идею, способную передаваться от одного мозга к другому [30, с. 295–297].

Мы согласны с данным подходом и отметим, что мемы широко применяются в современном виртуальном ИКП, особенно в сфере сетевого сообщества. Здесь скорость их распространения чрезвычайно высока, что часто используется для дестабилизации внутреннего положения в стране. Примеры разнообразных «**цветных**» революций конца XX – начала XXI в. подтверждают это предположение. «**Репликаторами**», копирующими и распространяющими такие мемы, в большинстве случаев выступали и выступают представители внесистемной оппозиции. Отметим также, что эти приемы широко используются в современном сетевом маркетинге – MLM (Multi-Level-Marketing), за что такие сетевые структуры (например, известный «**Атвай**») подвергаются аргументированной критике [31].

Несомненно, социальные сети высвечивают и ментальность, и уровень общей культуры, формирующейся в условиях постмодерна, зачастую отрицающей культурное наследие прошлого. Здесь же присутствует и определенное «фрондерство», характерное для молодого поколения, желание выделиться в людском массиве за счет эпатажных действий. Казалось бы, было снисходительно отнестись к подобным проявлениям во взаимоотношениях, но они влекут за собой серьезный социальный эффект. По этому поводу У. Эко писал: «*Кто угодно имеет право демонстрировать собственную незначительность..., но миллионы незначительностей вместе статистически образуют нечто значительное*» [32, с. 192]. Проблема общения высвечивает серьезный вопрос формирования культуры человека в новой информационной среде, так как с увеличением числа пользователей социальных сетей, вносящих собственные социальные предпочтения, приемы самоидентификации личности, нормативно-ценностные установки, возникают новые коллизии межкультурного общения, не всегда ведущие к позитивным переменам. Появляются работы, обращенные к иной стороне Всемирной паутины, получившей название «темный интернет» (*darknet*), «глубинный Веб» (*deep Web*), «невидимый Веб» (*invisible Web*), таящий достаточно много опасностей для неискушенных пользователей, особенно молодых [33].

В последнее время создается новое направление в психологии, получившее название «*виртуальная психология*», изучающее взаимосвязь психологических феноменов и область деятельности, в которой взаимодействие объектов опосредовано электронными носителями информации [34, с. 1003]. Этот интерес обусловлен тем, что в новой реальности ярко проявляются скрытые желания и определенные фобии, характерные для человека современного ИКП. Можно сравнить пространство интернета с практикующим психоаналитиком, собирающим скрытую «картину» сознания современного человека. Поэтому представляется перспективным соединение возможностей психологии и социологии для объективного анализа, выявления проблемных зон развития, выработки рекомендаций для практических действий.

Государство декларирует одной из целей своей культурной политики обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам [35, с. 9]. А вот воспитание и формы восприятия культуры являются задачей всех социальных институтов, где одним из важнейших факторов эффективности воздействия и взаимодействия выступают возможности, предоставляемые современным ИКП. Для успешного освоения этого пространства и использования информационных технологий необходимо сформировать определенный набор компетенций, умений поиска необходимой информации и ее использования. Не менее важным становится сохранение и перенесение нравственных норм и правил из реального мира в виртуальный [36, с. 59]. Есть все основания считать, что и в дальнейшем ведущим трендом в развитии как ИКП, так и культуры будут оставаться проблемы вхождения в жизнь новых поколений на основе накопленного опыта такой работы, которая создает условия для развития компетенций современного специалиста: системных, инструментальных и межличностных. В социологии эта тема будет актуализироваться за счет исследований, направленных на осознание современности и роли в ней культуры, дополненной виртуальностью.

Заключение

Таким образом, осмысливая роль культуры в структуре ИКП современного общества, мы можем судить о том, что она отражает крупнейшие перемены глобального характера и связана с **постепенным «сращиванием», взаимопроникновением двух уровней культурного состояния социума: физической реальности и его виртуального отражения.** Тем самым происходит углубление взаимовлияния этих двух социальных феноменов: культура, ее достижения создают необходимые предпосылки перемен в содержании ИКП, а само пространство открывает новые возможности усложнения и появления многообразия форм выражения культурного развития. Это является трендом движения социума, показателем современности жизненного и культурного пространства человека, и от его сознательного освоения зависит будущее любой страны.

Ссылки:

1. Зубанова Л.Б. Социологический анализ культуры // Челябинский гуманитарий. 2012. Т. 1, № 18. С. 71–75 ; Карпова Г.Г. Социальная динамика культурной политики в современной России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2011. 40 с. ; Маршак А.П. Культура: социологические смыслы и социальные реалии. М., 2013. 224 с.
2. Струве П., Франк С. Очерки философии культуры // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 105–117.
3. Флоренский П. Записка о христианстве и культуре // Флоренский П. Сочинения : в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 547–559.
4. Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007. 416 с. ; Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. 4-е изд., испр. М., 2006. 320 с. ; Щупленков О.В. Русский человек // Философская мысль. 2013. № 6. С. 229–292. <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.6.526>.
5. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.
6. Урсул А.Д. Культура как информационный феномен // Философская мысль. 2013. № 8. С. 295–355. <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.8.508>.

7. Molecular Evolution of FOXP2, a Gene Involved in Speech and Language / W. Enard, M. Przeworski, S.E. Fisher, C.S.L. Lai, V. Wiebe, T. Kitano, A.P. Monaco, S. Pääbo // *Nature*. 2002. Vol. 418. P. 869–872. <https://doi.org/10.1038/nature01025>.
8. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013. 330 с.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. 608 с.
10. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб., 2002. 280 с.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 336 с.
12. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988. 429 с.
13. Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. 198 с.
14. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983. 277 с.
15. Лотман Ю.М. Феномен культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 34–45.
16. Субботский Е.В. Научиться у Гарри Поттера // *Психолог*. 2014. № 2. С. 52–93. <https://doi.org/10.7256/2306-0425.2014.2.12159>.
17. Азина О.А. Социальная мифология как особый тип идеологического сознания // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 5. С. 85–87; Винер А. Великолепный миф: формы управления в постиндустриальном обществе. М., 1996. 155 с.
18. Боброва Н.В. Социальная мифология в динамике современного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2011. 52 с.
19. Брескин В. Триада: метод изучения сущности семиотического единства языка и искусства // *Философская мысль*. 2012. № 3. С. 119–159. <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2012.3.19>.
20. Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в. : материалы Всерос. науч. конф. / под ред. В.В. Козловского. СПб., 2008. 404 с.
21. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб., 2000. 347 с.
22. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. 328 с.
23. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург; М., 2008. 478 с.; Савицкая Т. Киберкультура: генезис феномена [Электронный ресурс] // Интелпрос: интеллектуальная Россия. URL: <http://www.intelpros.ru/subject/figures/tatyana-savickaya/23639-kiberkultura-genezis-fenomena.html> (дата обращения: 23.08.2018).
24. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // *Вопросы философии*. 2013. № 5. С. 75–83; Ronchi A.M. E-Culture: Cultural Content in the Digital Age. N. Y., 2009. 456 p.
25. Толстикова И.И. Культурология киберпространства и социальное взаимодействие в интернете // *Информационные ресурсы России*. 2013. № 6 (136). С. 22–26.
26. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М., 2004. 349 с.
27. Крупеникова Л.Ш., Курбатов В.И. Виртуальная личность: Net-мышление, сетевой психотип и интернет-фобии [Электронный ресурс] // *Инженерный вестник Дона : электрон. науч. журн*. 2014. № 3. URL: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n3y2014/2537> (дата обращения: 23.08.2018).
28. Гуреева А.Ю., Сизов С.В. Интернет-зависимость: современное состояние проблемы // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2015. Т. 2, № 5. С. 127–129; Кучма В.Р., Сухарева Л.М., Храмов П.И. Гигиеническая безопасность жизнедеятельности детей в цифровой среде // *Здоровье населения и среда обитания*. 2016. № 8 (281). С. 4–7; Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М., 2014. 288 с.
29. Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета. М., 2011. 352 с.
30. Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2013. 510 с.
31. Тихонов А., Мороз Ю. О чем молчит богатый папа. Анти-МЛМ. М., 2004. 192 с.
32. Эко У. Кишечник мистера X // Эко У. Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках. СПб., 2010. С. 190–193.
33. Бартлетт Д. Подпольный интернет. Темная сторона мировой паутины. М., 2017. 352 с.; Bergman M.K. The Deep Web: Surfacing Hidden Value // *Journal of Electronic Publishing*. 2001. Vol. 7, iss. 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.3998/3336451.0007.104>.
34. Шахмартова О.М., Болтага Е.Ю. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности // *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Общественные науки*. 2011. № 24. С. 1002–1008.
35. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 г. М., 2015. 290 с.
36. Мурзина К.Б. Подходы к пониманию электронной культуры: от виртуальных музеев к хакерской этике // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2014. № 2. С. 55–64.

References:

- Azina, OA 2013, 'Social mythology as a specific type of the ideological conscience', *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 5, pp. 85-87, (in Russian).
- Baeva, LV 2013, 'E-culture: the philosophical analysis', *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 75-83, (in Russian).
- Balanovskaya, EV & Balanovsky, OP 2007, *Russian gene pool on the Russian Plain*, Moscow, 416 p., (in Russian).
- Bartlett, J 2017, *The dark net: inside the digital underworld*, Moscow, 352 p., (in Russian).
- Bergman, MK 2001, 'The Deep Web: Surfacing Hidden Value', *Journal of Electronic Publishing*, vol. 7, iss. 1, pp. 1–17. <https://doi.org/10.3998/3336451.0007.104>.
- Bobrova, NV 2011, *Social mythology in the dynamics of modern society*, PhD thesis abstract, Stavropol, 52 p., (in Russian).
- Breskin, V 2012, 'Triad: method for studying the core of the semiotic parity of language and art', *Filosofskaya mys'l*, no. 3, pp. 119-159. <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2012.3.19>.
- Cassirer, E 2002, *The philosophy of symbolic forms*, vol. 2, Moscow, St. Petersburg, 280 p., (in Russian).
- Castells, M 2004, *The internet galaxy. Reflections on the Internet, business, and society*, Yekaterinburg, 328 p., (in Russian).
- Certeau, M de 2013, *The practice of everyday life*, St. Petersburg, 330 p., (in Russian).
- Dawkins, R 2013, *The selfish gene*, Moscow, 510 p., (in Russian).
- Dery, M 2008, *Escape velocity: cyberculture at the end of the century*, Yekaterinburg, Moscow, 478 p., (in Russian).
- Eco, U 2010, 'The intestines of Mr. X', in U Eco, *Kartonki Minervy. Zаметki na spichechnykh korobkakh*, St. Petersburg, pp. 190-193, (in Russian).
- Enard, W, Przeworski, M, Fisher, SE, Lai, CSL, Wiebe, V, Kitano, T, Monaco, AP & Pääbo, S 2002, 'Molecular Evolution of FOXP2, a Gene Involved in Speech and Language', *Nature*, vol. 418, pp. 869–872. <https://doi.org/10.1038/nature01025>.
- Florensky, P 1996, 'A note on Christianity and culture', in P. Florensky, *Works*, in 4 vols., vol. 2, Moscow, pp. 547-559, (in Russian).

- Fukuyama, F 2004, *Our posthuman future: the consequences of the biotechnology revolution*, Moscow, 349 p., (in Russian).
- Geertz, C 2004, *The interpretation of cultures*, Moscow, 560 p., (in Russian).
- Gennep, A van 1999, *The rites of passage*, Moscow, 198 p., (in Russian).
- Gureeva, AYu & Sizov, SV 2015, 'Internet addiction: the current state of the problem', *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy*, vol. 2, no. 5, pp. 127-129, (in Russian).
- Karpova, GG 2011, *Social dynamics of cultural policy in contemporary Russia*, D.Phil. thesis abstract, Saratov, 40 p., (in Russian).
- Kozlovsky, VV (ed.) 2008, *Sociological analysis of the culture of Russian society in the second half of the 19th – the early 21st centuries: proceedings of all-Russian conference*, St. Petersburg, 404 p., (in Russian).
- Krupennikova, LSh & Kurbatov, VI 2014, 'Virtual personality: Net thinking, network psychotype and the Internet phobia', *Inzhenernyy vestnik Dona: elektron. nauch. zhurn.*, no. 3, viewed 23 August 2018, <<http://ivdon.ru/magazine/archive/n3y2014/2537>>, (in Russian).
- Kuchma, VR, Sukhareva, LM & Khramtsov, PI 2016, 'Hygienic safety of vital activity of children in the digital environment', *Zdorov'ye naseleniya i sreda obitaniya*, no. 8 (281), pp. 4-7, (in Russian).
- Levy-Bruhl, L 1994, *The supernatural and the nature of the primitive mind*, Moscow, 608 p., (in Russian).
- Lotman, YuM 1992, 'The phenomenon of culture', in YuM Lotman, *Selected articles*, in 3 vols., vol. 1, Tallinn, pp. 34-45, (in Russian).
- Mankovskaya, NB 2000, *Aesthetics of post-modernism*, St. Petersburg, 347 p., (in Russian).
- Marshak, AP 2013, *Culture: sociological meanings and social realities*, Moscow, 224 p., (in Russian).
- Mead, M 1988, *Culture and the world of childhood. Selected works*, Moscow, 429 p., (in Russian).
- Murzina, KB 2014, 'Approaches to understanding e-culture: from virtual museums to hacker ethics', *Filosofskiye problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*, no. 2, pp. 55-64, (in Russian).
- Propp, VYa 2000, *The historical roots of the fairy tale*, Moscow, 336 p., (in Russian).
- Ronchi, AM 2009, *E-Culture: Cultural Content in the Digital Age*, New York, 456 p.
- Savitskaya, T 2018, 'Cyberculture: genesis of the phenomenon', *Intelros: intellektual'naya Rossiya*, viewed 23 August 2018, <<http://www.intelros.ru/subject/figures/tatyana-savickaya/23639-kiberkultura-genezis-fenomena.html>>, (in Russian).
- Sergeeva, AV 2006, *The Russian people: stereotypes of behavior, traditions, mentality*, 4th ed., Moscow, 320 p., (in Russian).
- Shakhmartova, OM & Boltaga, EYu 2011, 'Psychological aspects of communication in social networks of virtual reality', *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Obshchestvennyye nauki*, no. 24, pp. 1002-1008, (in Russian).
- Shchuplenkov, OV 2013, 'Russian personality', *Filosofskaya mysl'*, no. 6, pp. 229-292. <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.6.526>.
- Small, G & Vorgan, G 2011, *iBrain. Surviving the technological alteration of the modern mind*, Moscow, 352 p., (in Russian).
- Spitzer, M 2014, *Digital dementia: What we and our children are doing to our minds*, Moscow, 288 p., (in Russian).
- State report on the status of culture in the Russian Federation in 2014* 2015, Moscow, 290 p., (in Russian).
- Struve, P & Frank, S 1905, 'Essays on the philosophy of culture', *Polyarnaya zvezda*, no. 2, pp. 105-117, (in Russian).
- Subbotkiy, EV 2014, 'Learning from Harry Potter', *Psikholog*, no. 2, pp. 52-93. <https://doi.org/10.7256/2306-0425.2014.2.12159>.
- Tikhonov, A & Moroz, Yu 2004, *What is the rich dad not telling us? Anti-MLM*, Moscow, 192 p., (in Russian).
- Tolstikova, II 2013, 'Cultural studies of cyberspace and social interaction on the Internet', *Informatsionnyye resursy Rossii*, no. 6 (136), pp. 22-26, (in Russian).
- Turner, V 1983, *Symbol and ritual*, Moscow, 277 p., (in Russian).
- Ursul, AD 2013, 'Culture as an information phenomenon', *Filosofskaya mysl'*, no. 8, pp. 295-355. <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.8.508>.
- Wiener, A 1996, *Magnificent myth: patterns of control in post-industrial society*, Moscow, 155 p., (in Russian).
- Zubanova, LB 2012, 'Sociological analysis of culture', *Chelyabinskiy gumanitarniy*, vol. 1, no. 18, pp. 71-75, (in Russian).